

ПЕСНЯ ПРОСТАКА

КАРАВАЦКАЯ ДАРИЯ

Дария Каравацкая

Песня простака

«Автор»

2026

Каравацкая Д.

Песня простака / Д. Каравацкая — «Автор», 2026

Ироничный, уставший от плясок шут несет вам свою Песню простака. Как-то раз его уклад жизни нарушает визит герцога, который готов обменять свое могучее войско на руку и сердце принцессы. И когда неминуемое становится реальным, постепенно раскрываются тайны, что годами хранились в окрестностях замка«О, право, интересная вещь! Трагичная, но со вкусом»Новелла/повесть.

© Каравацкая Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Куплет первый	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дария Каравацкая

Песня простака

Куплет первый

Трынть-дрынь струна, трынть-дрынь струна — песнь во славу Филиппа короля! Трынть-дрынь струна, трынть-дрынь Да в пекло всё. Если еще здесь я стану распевать хвалебные песни, то сойду с ума сильно раньше, чем хотелось бы. Хотя, давайте серьезно, разве это кто-то заметит? Был шут чудачком, станет шут дураком Как бы там ни было, в этот раз под скрипы лютни спою другую вещь. Мою «Песню простака». В ней герой не рыцарь, не герцог, не король. А так, простой малец, которому в жизни однажды счастье изменило и ему спасли жизнь. А потом представился хороший случай и его чуть не высекли до полусмерти. О, право, интересная вещь! Трагичная, но со вкусом.

В одном далеком королевстве дело было. Если бы мог, рассказал вам и название, и меж каких гор королевство располагается. Да вот только жестокие войны приучили местных к самому главному: хочешь остаться жив — молчи. Потому видимо и народ у нас не из болтливых. Никто не расскажет, как справился с хворью, не расскажет о своем портном или башмачнике, который сделал пару чудесных сафьяновых сапог. И не назовет свое имя. А если назовет, то приукрасит так лихо и витиевато, что от имени останется лишь намек. Никто не осудит его за этот шаг. В замке и вовсе приняли официальный указ — лишать родного имени каждого, кто приезжает в эти стены на службу. Приезжаешь, на тебя глядит кто-то из королевской свиты и говорит: «Ну точно безумец этот малый, так его и назовем». Приятно познакомиться, кстати. Меня зовут Лефу. В ваших краях звучало бы совершенно безумно.

Королевство пусть и закрытое, но невероятно красивое, правда. Горы, озёра, море, леса, луга. Растения знают толк, где распускать свои самые яркие цветы. Вот и знать соседних государств так считает. Как там поётся?

Было три пташки у царской короны,

Две вышли замуж, упорхнули за море.

Берегись, третья пташка, не плач по ночам —

Твой брак лишь путь к королевским мечтам.

Всё так, увы. Вот и сегодня очередная делегация пожаловала во дворец. Наши кухарки готовили всю ночь, виночерпий накануне заказал лучшее вино из провинции, весь замок гудел в предвкушении визита герцога Камиля де ла Рош. Вот здесь, пожалуй, и начнем нашу песню.

С чего начинается королевская трапеза? С маскарада. И понимайте это как хотите. Я же оказался у своего столика в комнате неподалеку от трапезного зала. Над столом висит кусок мутного стекла в облезлой деревянной раме, который здесь гордо называют зеркалом. Мое время маскарада пришло. В зеркале вижу глаза, что глядят с презреньем на выбеленное лицо, которое должно сделать меня забавным. Вижу презренье к синим треугольникам под глазами,

которые должны изображать потешную печаль, но на деле выдают, что я дурно спал четвертую ночь подряд. Мой драгоценный колпак с бубенцами водружаю на голову и готов поспорить, что он давит на виски не хуже шлема. А это праздничное жабо душит меня, точно чья-то огромная лапа.

Но что поделать. Весь этот маскарад — Лефу. Наступает момент, когда ты срастаешься с той личиной, которую дарят тебе в замке. Рано или поздно перестаешь задавать себе вопросы «а что было бы, если бы я остался в деревне» или «что ждет меня здесь дальше». Просто смиряешься, смотришь в отражение на разукрашенную физиономию, готовый вот-вот ворваться в большой зал, где аромат жареного мяса перемешивается с лицемерием, а ты — главный лицедей, порой держишься честнее всех. Да, все это я. И другого меня скорее всего никогда не будет.

Мог бы я снять колпак? Оторвать жабо, бросить тесные двухцветные перчатки на пол и просто уйти? Даже если бы это позволял закон, я бы не ушел. Да и стыдно признать, никогда не хотел уйти. Сам не знаю почему.

— Лефу, ты готов? — окликает один из шутов, — Мы с Тордю чуть задержимся, он опять фруктов объелся, сбежал ну ты понял куда.

— Я почти готов, могу начать без вас.

— По рукам!

Поправляю колпак — бубенцы звенят так мерзко, виски пронизывает тысяча острых игл. Герцог, вероятно, уже омывает свои благородные ручки. Король вот-вот сядет во главе стола, потирая бороду и ожидая, что сегодняшний вечер пройдет без сучка и задоринки. В моей власти песни, акробатика, трюки и шутки Ха, шутки! Им нравится смеяться над ними. Но мы ведь не шутим, а говорим то, что они не решаются произнести вслух. Можно похихикать и сделать вид, что всё сказанное полная чушь, а в глубине сердца снять перед нами шляпу или чуть-чуть казнить.

— Ну что, Лефу, — говорю своему отражению по-традиции, — Сыграем.

Отражение молчит, только бубенцы едва заметно подрагивают. Я отворачиваюсь от столика и иду к двери в большой зал. Двухцветные сапоги мягко скрипят. Где-то за стеной уже раздается гул голосов и звон бокалов. Беру лютню в руки и выхожу. Пора.

Меня тут же встречает волна смешков и хохота. Предвкушение толпы плотно наполняет воздух. Я лукаво улыбаюсь им в ответ. Машу свободной рукой то тем, то этим, кривляюсь и хлопаю. Да-да, вот ваш любимый безумец, сейчас начнется потеха.

Король сидит во главе стола и довольно поглаживает бороду — добрый знак, видимо встреча проходит как надо. Ловлю его взгляд и он кивает мне в ответ. Значит можно начинать, музыка отвлекать не будет от переговоров.

Прижимаю к груди лютню, она немного теплая, старая, с царапиной на плоской деке. Пальцы сами находят лады на грифе. Перебираю тихонько, что-то напевая под нос... О чем же спеть? Пока подбираю слова, окидываю народ неспешным взглядом. Придворные плотно набили зал: маркизы, герцоги и графы надели свои лучшие бархатные наряды, их дамы пристроили на головах чудаковатые колпаки и шляпки. Часть королевской свиты суетиться у стен — молчат, чтобы их и не заметили.

Перебираю струны дальше и замечаю герцога. Камиль де ла Рош сидит на почетном месте с правой стороны от короля. Высоченный, широкоплечий. На вид не так уж стар как я думал, может лет тридцать пять ему или чуть больше. Крепкий малый, лицо и руки в полосках шрамов. Человек военный, не иначе.

А рядом с королем — пустое место. Куда же подевалась наша «третья пташка»?.. Внутри что-то дрогнуло, пальцы чуть не сбились с перебираемых аккордов. Я знаю, что буду петь.

Жил как-то дрозд, непутевая птица,

Мечтал покорить он высоты,

И желаний порочных скорее добиться.

Пока его братцы питались червями,

Он грезил лимонами под небесами.

Взлетел бедолага, надорвавши крыло,

Хоть знал он в душе, что лимоны – не то.

Но тоска и надежда его погубили –

Сидел бы в крапиве, где червями кормили.

Вот так и бывает порой:

Мечтал глупый дрозд о запретном,

Теперь под стеною лежит он немой,

И сам для червей стал десертом.

Зал рукоплещет, заливается смехом. Им понравилось – еще бы! Песня про глупую птицу, что может быть проще, не правда ли? Даже король хлопнул в ладоши раз, другой. Я выдаю глубокий поклон, и в этот миг в зале становится тихо, открывается высокая резная дверь, и церемониймейстер звучно объявляет о визите долгожданной принцессы. Уверен, она думала проскочить незаметно. Увы, не в этот раз.

Элоиза медленно входит в зал. Сегодня на ней платье небесно голубого цвета, точно такого как ее глаза... Белый шифон обрамляет ее тонкую шею, спадает по ключицам до линии высокого корсета, вышитого перламутровыми бусинами. Темные волосы собраны на макушке и только два локона аккуратно спадают на усыпанное бледными веснушками лицо. Каждый в этом зале смотрит на нее. Я не проверял, но чувствую это.

Она доходит до стола, ни разу не подняв взгляд с пола, король знакомит ее с герцогом, тот целует ее руку и заливается краской. Элоиза улыбается в ответ, наклоняется и что-то шепчет своему отцу. А после – я знал, что так и будет – встречается взглядом со мной. Кажется, она

печальна. Мои губы сами растягиваются в лукавую ухмылку. Не успел я отложить лютню, как в зал вкатывается кубарем Тордю и начинает громко гоготать. О, нет, друг мой. Этим вечером все взгляды будут моими.

Я отдаю лютню в руки подвернувшемуся пажу, надеюсь, хоть этот не добавит струнной подружке царापин. Выхожу в центр зала, каждым шагом приближаясь к кульминации. Снимаю шляпу, господа. На этот раз буквально. Колпак летит звонко вверх, бубенцы звенят как перепуганные мыши. Все смотрят на меня, Тордю кривляет рожи где-то там в тени. Зрители ждут. Воздух наполняется томящим накалом внимания. Хотят увидеть что-то нелепое? Что ж, будет им.

Первым кульбитом сбиваю ногой шляпу вон, подальше к Тордю. Кровь пробежала по жилам, затуманила ту кристальную ясность, которая не дает мне покоя. И следом, не сбавляя темпа, второй кульбит – мир кувырается вместе со мной: канделябры и торшеры рябят в глазах, ноги гостей выглядывают из-под столов, а где-то в толпе пестрит голубой огонек. Дамы, что поближе, визжат. Как мило! Становлюсь на ладони и подхожу к маркизам и герцогиням.

— Осторожней, мадам, — кричу я и аккуратнo переворачиваюсь на ноги неподалеку, — не то упаду в ваши объятия. А знаете ли, зал еще не готов к потешной обескураженной физиономии вашего супруга. Давайте сперва разогреем гостей, а уж потом

Хохочут. Славно. Дамочка покраснела до ушей, а ее муженек нахмурил брови. Классика. Беру с ближайшего стола три апельсина и начинаю жонглировать. Один летит в воздух.

– Вот наш казначей, – киваю влево, не прекращая жонглировать, – такой же упитанный кругляш. Только, пожалуй, совершенно не сладенький.

Кидаю второй вверх, теперь перебирая оба поочередно одной рукой.

– А вот это барон де Монфор. Такой же любитель оранжевых камзолов. И, готов поспорить, внутри такая же кислятина.

Третий апельсин перехватываю ребром ладони.

– Герцог Ах, герцог де ла Рош. Наш гость – скорее уж каштан: снаружи зеленая шипастая кожура, а внутри – загадка. Может, сладко, а может, нет. Кто же его раскусит?

Жонглирую тремя фруктами медленно, словно впервые, а затем быстрее, добавляя процессу их любимый скучающе-печальный вид. Какой-то щедрый господин подкинул мне яблоко, подбрасываю его пяткой – сам удивлен, что получилось.

– О, а это кто у нас?.. Кто же тебя сюда против воли бросил? Кинули какому-то пареньку и не спросили, да? – половина королевского стола покосилась на Элоизу, но я промолчу. Оставьте свои домыслы при себе.

Яблоко замедляется в полёте, я смотрю на него, и зал затихает. А потом – хлоп! – ловко ловлю за спиной. Мгновение тишины. И взрыв хохота.

Тордю, бедняга Тордю. Зависть сжирает его живьем. Не в силах выдержать бремя тени, он вырывается к народу. Присаживается неподалеку от герцогини, складывает руки под мышками, подражая курице. Скручивает свои изуродованные губы в гримасу и говорит тонким, противным голоском:

– Ай-яй, какой кошмар! Этот шут подкрался ко мне и глядит в оба глаза! Ах, он, наверное, сейчас стащит мой титул и – кудах! – сережки!

Играй, мой друг, играй. Я слышу его клекот за моей спиной. Он выбегает, надев на голову салфетку, точно корону, и подражает королю – потирает невидимую бороду, выпячивает живот. Но никто на него даже не взглянул. Все глаза – на меня, а ведь я даже ничего не делаю. Стою, сложив руки на груди, и чуть улыбаюсь. И этого достаточно. Тордю понимает раньше меня, что соревноваться бессмысленно и уходит кривляться, глумиться куда-то к королевской свите у стены.

Легким плавным сальто – уверен, со стороны это выглядит именно так – я оказываюсь у родного колпака и поправляю свою шутовскую корону. Слышу звон бокалов, залиvistый

смех, чей-то кашель. А потом, когда я поворачиваюсь лицом к королевскому столу, встречаюсь с ней взглядом.

Элоиза Она не смеется. Губы плотно сжаты, руки устало сложены, подпирая подбородок. Но я вижу. Вижу, как ее глаза чуть-чуть прищурились, как дрожат уголки губ. Неужели принцесса прячет улыбку? От меня?.. Раз уж так, мне пора идти.

Кланяюсь, широко разведя руки. Колпак с бубенцами почти касается пола. Поднявшись, бросаю последний взор в банкетный зал. Король склонился к Герцогу и что-то говорит, ярко жестикулируя. Камиль медленно кивает, его лицо непроницаемо, только шрам на скуле белеет при каждом жесте. Так и не услышал что они обсуждали. Боюсь, что как всегда: земли, войны, деньги. Принцессу. А та не смотрит ни на отца, ни на очередного женишка. Только задумчиво перекачивать по тарелке из стороны в сторону что-то маленькое.

Больше нет сил. Я отворачиваюсь и выхожу.

На кухне все еще пышет жаром. Запах сушеных трав и тушеной дичи окутывает со входа. Здесь совершенно другой мир – без бархата, без лицемерия. Зато есть сажа у печи, сварливые голоса поваров, визг и ругань мальчишек, которые помогают по мелочи. Я проскальзываю к небольшому столу в углу, прислоняюсь спиной к стене и наконец позволяю себе выдохнуть. Колпак, мой извечный напарник, полежи со мной рядом.

– Боже, милый мой! На кого ты теперь похож, а? – раздается звонкий медовый голос, от которого у меня что-то теплое разливается под ребрами.

Моя Миэль выныривает из толпы поварят и дымовой завесы, вся в муке, с красными щеками. Как я ее не заметил сразу? Миэль шире любой другой кухарки, передник на ней штопан несчетное количество раз, но в этом теле собрано столько доброты и нежности. Даже к таким, как я. Сколько не набрать во всем королевском замке. Если и не первой, то второй матерью она стала мне по праву. И как же я за всю эту заботу ей благодарен! Может, зря не говорю ей об этом лично?.. Родной матери, кажется, так и не сказал ни разу. Во всяком случае, не помню такого. И вряд ли однажды вспомню.

— Похож? Думаю, на себя — на лучший экземпляр из возможных, — говорю изо всех сил бодро.

– Да молчи уж, – она тут же ставит передо мной полную до краев глиняную тарелку. Здесь и мясо, и подлива, и какой-то пирог с капустой, и ломоть хлеба, и даже заварное пирожное со сливочным кремом, – Ешь давай. Ты совсем осунулся, Лефу. Глаза вон как покраснели, скулы торчат. Скоро будешь как жердь для своего этого колпака. Ноги тебя не удержат!

Она ходит вокруг меня, хлопочет, причитает. Поправляет жабо, хотя оно давно уже потеряло праздничную форму безвозвратно. Как же ее руки пахнут домом! Луком, тестом и базиликом.

– Если ноги не будут держать, – улыбаюсь я, откусывая кусок хлеба, – стану ходить на руках. Не привыкать.

– Я тебе дам! – она шлепает меня полотенцем по плечу, – Никакой серьезности в человеке, сколько бы раз я ему не говорила, все бестолку

Рядом, из-за котлов, высовывается две взлохмаченные головы. Девчушки лет десяти, обе чумазые, с таким любопытством в глазах, какое не скроешь никаким кухарским чепчиком.

– Лефу, а это правда? – шепчет одна из них. – Принцесса выходит замуж? За этого герцога?

– Какой он? Симпатичный? – краснея, спрашивает вторая.

Я жую долго, напускаю особо задумчивый вид. Миэль смотрит на меня строго, но я знаю: ей тоже интересно.

– Все они на одно лицо, – говорю я после паузы. – Хотят много, а совести мало. Этот же еще и широченный, – развожу демонстративно руки. – Как тот шкаф в кладовой. И радости в нем примерно столько же.

– И что, принцесса за герцога-шкафа замуж пойдет? – не унимается маленькая кухарка.

– А разве у нее будут спрашивать?.. – Ответив, понимаю, что теперь аппетит пропал.

Миэль отгоняет девчонок одним лишь взглядом и садиться рядом со мной на скамью.

– Смотри не взболтни здесь лишнего, – тихо говорит она.

– Я шут, Миэль. Мой удел – говорить лишнее.

В этот момент скрипит дверь кухни. Входит сенешаль Декле. Я узнаю его по походке раньше, чем вижу лицо. Он идет так медленно, осторожно, с ровной осанкой – вот именно так и ходят те, кто привык носить на плечах не только пурпузы и камзолы, но и чужие тайны. Декле стар, но статен. Тонкие седые усы складываются ниточкой над сморщенным ртом. Он ищет сощуренным взглядом что-то по кухне, пока не встречает меня.

– О, вот ты где, Лефу, – говорит он чуть хрипло, но при этом его четко слышно даже сквозь грохот кастрюль. – Давай, дружок, не расслабляйся. Банкет затягивается, другие шуты тоже устали. Крапу охрип, Тордю сбежал куда-то, двое других всем уже надоели. Готовься, ты нужен.

– Услышал, иду, – говорю я, погружая колпак на законное место. – Ни минуты покоя, всё королевство держится только на мне

– Давай-давай, герой, – с серьезным видом отвечает Декле, – если и ты свалишься там, обещаю, со всеми почестями вернем тебя Миэль на кухню.

Моя дорогая Миэль качает головой и крестит меня перед выходом. Выхожу в коридор, здесь сильно тише после кухни, но приглушенный гул, звон бокалов и звонкий смех уже доносятся до меня из зала.

– Ну что, Лефу, – говорю себе по-привычке, – Сыграем. Еще разок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.